

В.В. Крестовский

Петербургские трущобы

Тома 3-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К80

К80 **Крестовский В.В.**
Петербургские трущобы: Тома 3-4 / В.В. Крестовский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 742 с.

ISBN 978-5-518-09129-0

ISBN 978-5-518-09129-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Печатано въ типографіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГОЛОДНЫЕ И ХОЛОДНЫЕ

I

Петербургская трихина

— Благослови Господи на новую жизнь да на добрую дорогу! перекрестилась Маша Повѣтина, выходя подъ вечеръ, съ узелкомъ въ рукахъ, за ворота богатаго дома, гдѣ оставляла столько любви, воспоминаній и столько тяжелаго разочарованія — послѣ того, какъ была брошена молодымъ Шадурскимъ (читатель знаетъ уже, что это совпадало со временемъ маскараднаго приключенія его съ Бероевой), и послѣ продажи съ молотка ея мебели и всего имущества.

Ванька-извозчикъ шажкомъ довезъ сумкины Машины вещи до Сухарнаго моста, гдѣ ея бывшая горничная Дуня поутру сговорила ей мѣсто, за четыре рубля въ мѣсяцъ «съ горячимъ отъ хозяевъ», и теперь провожала Машу на это мѣсто, чтобъ окончательно тамъ устроить ее.

Новая жизнь открылась передъ Машей, и эту новую жизнь предстояло ей начать въ семьѣ особаго свойства, цвѣта и запаха.

Эта петербургско-нѣмецкая семья составляетъ совершенно особый, замкнутый въ самомъ себѣ и на столько своеобразный элементъ, что о немъ стоитъ немножко побесѣдовать.

Карлъ Ивановичъ Шиммельпфенигъ былъ санктпетбургскій нѣмецъ. Его достопочтенный покойный папенька, Иванъ Карловичъ Шиммельпфенигъ, былъ нѣмцемъ липляндскимъ изъ города Риги, и добродѣтельно содержалъ аптеку. Когда возлюбленный сынъ его Карлъ получилъ дипломъ, удостовѣрившій всѣхъ и каждаго, что онъ добродѣтельно окончилъ курсъ ученія, при поведеніи отлочно-благо-

правпомъ — папенька его, Иванъ Карловичъ Шиммельфенигъ, написалъ въ Петербургъ умиленное письмо къ старому своему товарищу, дѣйствительному статскому совѣтнику Адаму Адамовичу Хундскейзеру, прося пристроить къ мѣстечку своего сына, который и былъ отправленъ въ Петербургъ при этомъ самомъ письмѣ. Адамъ Адамовичъ Хундскейзеръ, съ радостью опредѣлилъ подъ свое вѣдомство юнаго Карла — и юный Карлъ сразу же понялъ, что онъ вѣрнопъ и слепа въ высокимъ покровительствомъ Адама Адамовича, и немедленно поспѣшилъ составить себѣ кодексъ необходимыхъ житейскихъ правилъ, чтобы слѣдовать имъ непзмѣнно до конца своей жизни. Юный Карлъ сказалъ себѣ: «умѣренность и аккуратность суть первыя добродѣтели, и если къ нимъ присоединить еще строгую исполнтельность, то это будутъ три граціи древнихъ». Сказавъ себѣ такой максимъ, онъ сдѣлался умѣренъ, аккуратенъ и пунктуально-исполнителемъ до тошноты, до омерзительности — и тѣмъ самымъ обрѣлъ фортуна своей жизни, ибо неизмѣнно пользовался покровительствомъ и высокимъ мнѣніемъ о себѣ своихъ пѣмцевъ-пачальниковъ.

Впрочемъ, покровительствомъ Адама Адамовича Хундскейзера онъ пользовался отчасти и по иной, посторонней причинѣ. Хотя Негг Хундскейзеръ былъ женатъ и имѣлъ семейство — какъ подобаетъ всякому чиновику-пѣмцу, въ качествѣ насадителя пѣмцаго элемента на русской землѣ, однако это не мѣшало ему имѣть на сторонѣ нѣкоторую слабость. Адамъ Адамовичъ былъ немножко эликуреецъ. Эта слабость достаточно уже устарѣла для Адама Адамовича, ибо извѣстно, что чѣмъ старѣе становится эликуреецъ-смертный, тѣмъ болѣе начинаеть онъ питать алчность къ юности, къ молодой свѣжанинѣ. Но Адамъ Адамовичъ былъ пѣмецъ, и потому содержать одновременно двѣ слабости — казалось ему превышающимъ его экономію. Поэтому надлежало, какъ ни на есть, раздѣлаться со старою слабостью. Думалъ, думалъ Адамъ Адамовичъ, какъ бы все это устроить ему — и ничего лучше не придумалъ, какъ выдать эту слабость замужъ. За кого се выдать? Естественно, за человека, который, происходя изъ пѣмецкой же расы, былъ по службѣ благоугоденъ ему, какъ пѣмецъ и какъ отлично-исполнительный чиновникъ. Женитбу на своей слабости Адамъ Адамовичъ Хундскейзеръ считалъ для подобнаго пѣмецкаго смертнаго, въ нѣкоторомъ родѣ,

наградю, наградою не въ счетъ крестовъ, чиповъ, денегъ и всяческихъ отличій, ибо этою наградою тѣмъ паче приобреталось его высокое покровительство. Для этой цѣли онъ набралъ сына своего стараго товарища — и такимъ образомъ, въ одинъ прекрасный вечеръ ннѣлъ случай отъ души поздравить юнаго Карла Шиммельпфенга со вступленіемъ въ законный бракъ со своей слабостью, на которую, между прочимъ, въ глубинѣ своего сердца питалъ надежды такого рода, что она, при случаѣ, не откажется продолжать съ нимъ прежнія отношенія и по выходѣ замужъ, ради большаго удобства своего супруга и своихъ собственныхъ, при дальнѣйшей супружеской жизни. Такимъ образомъ слабость переѣнила свое прежнее званіе на имя титулярной совѣтницы Луизы Андреевны Шиммельпфенгъ и, повидимому, была совершенно довольна и счастлива, равно какъ и юный Карлъ тоже былъ доволенъ и счастливъ, ибо понималъ, что вступленіе въ супружество со слабостью его превосходительства, патрона и благодѣтеля доставляетъ ему новую силу и вѣрность.

Нужды нѣтъ, что Луиза была старѣе его тринадцатью годами — онъ все-таки былъ доволенъ и счастливъ, и съ первыхъ шаговъ своихъ на супружескомъ поприщѣ попалъ подъ башмакъ этой нѣмецки-прелестной особы.

Пока пѣмецки-прелестная особа была еще «въ порѣ» — превосходительный ловлясъ и покровитель оказывалъ ей время отъ времени знаки своего сердечнаго благоволенія — въ силу старой привычки. Для его экономіи это не составляло теперь разсчета, ибо за благосклонность госпожи Шиммельпфенгъ, онъ платилъ благосклонностью же господину Шиммельпфенгу, и супруги не оставались въ накладъ, такъ-какъ благосклонность Адама Адамовича Хундскейзера выражалась въ прибавкахъ жалованья, въ экстренныхъ выдачахъ, въ наградахъ, въ повышеніи чинами, въ орденахъ и, наконецъ, въ личномъ, дружески-любомъ расположеніи самого патрона и покровителя.

Карлъ Цезаревичъ Шиммельпфенгъ шелъ въ гору, ибо его, что называется, тянулъ за волосы, всѣми легкими и нелегкими, все тотъ же неизмѣнный патронъ и покровитель. Но нельзя сказать, чтобы Адамъ Адамовичъ Хундскейзеръ поступалъ такимъ образомъ исключительно ради отношеній своихъ къ супругѣ своего подчинен-

наго — нѣтъ, Адамъ Адамовичъ, кромѣ этого, былъ добрый нѣмецкій патриотъ, и потому тянулъ въ гору Карла Ивановича по высшему принципу, какъ нѣмецъ нѣмца — изъ чувства нравственнаго родства и національности.

И Карлъ Ивановичъ отъменно-хорошо умѣлъ чувствовать это: онъ зналъ, куда идти; онъ вѣдалъ, что дойти до цѣли можно ему только этимъ путемъ; онъ понималъ, что въ путешествіи по русской іерархической лѣстницѣ младшій нѣмецкій человѣкъ долженъ крѣпко, и всѣми зависящими средствами, держаться за виц-мундирныя фалды старшаго нѣмецкаго человѣка, дабы и за его собственные фалды могли потомъ держаться другіе младшіе нѣмецкіе люди, когда онъ, Карлъ Ивановичъ, въ свою очередь, самъ содѣлается большимъ нѣмецкимъ человѣкомъ. Карлъ Ивановичъ, какъ доброкачественный подчиненный, радушно и разумно снисходилъ къ отношеніямъ патрона и своей Луизы Андреевны, ибо зналъ, что все это онъ самъ наверстаетъ, что впоследствии онъ самъ будетъ находиться въ точно такихъ же отношеніяхъ къ какой-нибудь Мишѣ Федоровнѣ или Маргаритѣ Францовнѣ, и тянуть за волосы въ гору ея супруга. Такова сила вещей и стало-быть, уразумѣвъ ее однажды, ему не о чемъ уже было печалиться. Карлы Ивановичи, вообще, тѣмъ и счастливы въ жизни, что у нихъ крѣпкіе, выносливые лбы и затылки, хотя эта крѣпость отнюдь не препятствуетъ развитію задорно-щебетливаго, самообожательнаго нѣмецкаго гонора и вычливости въ отношеніи русскаго человѣка.

Карлъ Ивановичъ Шиммельпфенигъ — санкт-петербургско-русскій чиновникъ и нѣмецкій патриотъ, въ самомъ кристалльномъ значеніи этого слова. Онъ, такъ-сказать, одинъ изъ пионеровъ германской народности въ Россіи. Посмотрите вы на него въ разныхъ фазахъ общественной дѣятельности: на службѣ, въ клубѣ, въ семействѣ, въ домашнемъ обиходѣ — вездѣ и во всемъ онъ онъ прежде всего истинный нѣмецъ — и въ большихъ вещахъ и въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, онъ все тотъ же, неизмѣнно вѣрный самому себѣ Карлъ Ивановичъ.

Не будемъ говорить о великомъ; возьмемъ одинъ мелочи, ибо изъ мелочей слагается обыденная жизнь человѣческая и по преимуществу жизнь Карловъ Ивановичей.

Карлъ Ивановичъ — неправѣльно членъ клуба; но какого клуба? — санкт-петербургскаго танцевальнаго собранія, именуемаго по русски шустер-клубомъ. И ни въ какомъ иномъ клубѣ онъ не захотѣлъ бы быть членомъ. Тутъ у него издавна уже существуютъ свои интимныя нравственныя связи и симпатіи. Карлъ Ивановичъ, не смотря на всѣ блага земныя, изливаемые на него щедрою рукою фортуны, очень аккуратенъ и расчетливъ. Это качество не покидаетъ его нигдѣ, ибо оно присуще ему по натурѣ. Карлъ Ивановичъ соображаетъ, что ему нужно, на примѣръ, бѣлье, сапоги, платье и тому подобное. Какъ поступаетъ въ этомъ случаѣ Карлъ Ивановичъ? — Онъ знаетъ, что въ числѣ его клубныхъ сочленовъ, съ коими онъ садится по вечерамъ за преферансъ, находятся: нѣмецкій сапожный мастеръ Негг Мюллеръ, нѣмецкій портной Негг Югансонъ, нѣмецкій магазинщикъ бѣлья Гросманъ — и Карлъ Ивановичъ, въ отношеніи этихъ господъ, пользуется своими интимными связями и симпатіями, зная, что тутъ онъ приобрететъ все необходимое, что называется, и дешево и сердито, а въ тоже время черезъ то и поддержка своей національности является. Поэтому, платье онъ заказываетъ не иначе, какъ нѣмцу-портному, сапоги — нѣмцу-сапожнику, бѣлье — нѣмецкому магазину, въ полномъ убѣжденіи, что способствуетъ развитію національной нѣмецкой промышленности. Онъ даже — мелочь изъ мелочей — стрижься и бриться ходитъ не иначе, какъ къ «нѣмецкому парикмахеру» на Большой Мѣшанской.

Нельзя сказать, чтобы Карлъ Ивановичъ былъ чуждъ эстетическимъ наслажденіямъ: изрѣдка онъ посѣщаетъ нѣмецкій театръ (но только нѣмецкій) и объясняетъ супругѣ своей достоинства нѣкоторыхъ актеровъ и пьесъ, изъ которыхъ особенно нравятся ему тѣ, которыя хоть немножко, хоть самую чуточку проявляютъ въ себѣ нѣмецки-патріотическую закваску. Но если что сдѣлалось, въ последнее время, предметомъ живѣйшей ненависти Карла Ивановича, то это русская журналистика, съ тѣхъ поръ, какъ она стала заниматься остзейскимъ «вопросомъ». Имени Каткова онъ равнодушно слышать не можетъ, за то боготворитъ императорско-россійскаго надворнаго совѣтника и германскаго піонера г-на фон-Мейера, будучи всегда самымъ усерднымъ читателемъ его академически-россійскихъ нѣмецкихъ Санкт-петербургскихъ вѣдомостей.

— Что они пишут! Боже-мои, что пишут эти вандалы! восклицает онъ, диспутировавъ по поводу нападокъ русской журналистики: — пѣмцы!... А что они будутъ дѣлать безъ пѣмцевъ? кто дастъ Россіи просвѣщеніе, администрацію и цивилизацію? Кто взялъ преимущество интеллигенціи въ высшемъ учебномъ собраніи русскомъ?— Пѣмцевіе ученые мужи! Кто въ Россіи лучший чиновникъ?—пѣмецъ! Кто лучший командиръ?—тотъ же пѣмецъ! Кто педагогъ?—опять-таки пѣмецъ! Кто капиталистъ, банкиръ, пегоціантъ, агрономъ, и врачъ, и механикъ?—пѣмецъ! Кто, наконецъ, лучший, честный ремесленникъ, сапожникъ, булочникъ?—пѣмецъ! Все пѣмецъ, пѣмецъ и пѣмецъ! Все—мы! заключаетъ онъ съ гордымъ достоинствомъ, и вслѣдъ за тѣмъ, не безъ горечи присовокупляетъ: — а они кричатъ! они, они-то кричатъ еще! Какая неблагодарная нація!

Въ маленькихъ чинахъ Карлъ Ивановичъ былъ довольно скромнѣе относительно своихъ русскихъ антипатій; по съ постепеннымъ повышеніемъ въ оныхъ, онъ постепенно высказывался, такъ что достигнувъ до статскаго совѣтника, почти уже не скрываетъ своего презрѣнія, а когда достигнетъ до дѣйствительнаго статскаго, то тогда, можно надѣяться, совсѣмъ уже проявитъ всю глубину его.

Кто-то замѣтилъ ему однажды, что какъ же, молъ, это и презираете, и служите въ одно и то же время? Это, молъ, маленькая несообразность выходитъ. Карлъ Ивановичъ смѣялся дерзновеннаго своимъ пятикласснымъ, статско-совѣтничьимъ взглядомъ, и вѣроятно чувствуя, что чинъ «дѣйствительнаго» весьма уже недалекъ отъ него, съ великимъ достоинствомъ, отчетливо возразилъ:

— Я служу не отечеству, но моему императору! Я люблю русское правительство; но я презираю русскую свинью.

Вообще названія варваровъ, вандаловъ и скивовъ суть обыкновенныя клички, которыми удостоиваетъ насъ, грѣшныхъ, Карлъ Ивановичъ въ своемъ интимномъ пѣмецкомъ обществѣ; но какъ высокая степень въ порядкѣ этихъ кличекъ, у него является эдергическое выраженіе «русская свинья», конемъ онъ остается безпримѣрно доволенъ.

— Наша служба—это есть наша высшая миссія, замѣтилъ онъ тому же дерзновенному, который осмѣлился выразить мысль о несообразности презрѣнія и службы:—мы, пѣмцы, мы желаемъ приоб-

щать нашу Россію къ циклу цивилизованныхъ государствъ Европы. Это — наша миссія!

Такъ понимаетъ Карлъ Ивановичъ задачу своего служебнаго поприща.

Но не одною только службою огранчивается циклъ цивилизаторской миссіи Карла Ивановича — пѣть! онъ во всѣ отрасли жизни своей бросаетъ сѣмена этой миссіи. Известно, что гдѣ соберутся два или три пѣмца, тамъ тотчасъ же создается у нихъ Bund и Ferein—непрѣменно Ferein, безъ Ferein'a тутъ никакъ не обойдется; только этотъ Ferein, при всей своей торжественности, бываетъ у нихъ всегда безобиднѣйшаго буколическаго свойства, и чѣмъ невиннѣе, тѣмъ торжественнѣе. По свойству и качеству этихъ фereinовъ, всѣ пѣмцы подраздѣляются на нѣмцевъ поющихъ, нѣмцевъ танцующихъ, пѣмцевъ гимнастирующихъ и пѣмцевъ стрѣляющихъ, или, лучше сказать, воинствующихъ. Поэтому уже само собою разумѣется, что и петербургскій нѣмецъ никакъ не могъ обойтись безъ фereinа: пѣмецъ бо есть и ничто же нѣмецкое не чуждо ему. Въ Петербургѣ прежде всего образовался фereinъ изъ нѣмцевъ танцующихъ, затѣмъ уже пошли нѣмцы поющие, которые образовали новый фereinъ, известный подъ именемъ парголовскаго Liedertafel. Впрочемъ, между этими двумя категоріями пѣть ни малѣйшаго антагонизма: тѣ же самые нѣмцы, которые поютъ, тѣ же и танцуютъ, и наоборотъ. Воинствующій нѣмецъ въ Петербургѣ недавно еще началъ выработываться; но по тѣмъ задаткамъ, которые онъ предъ собой являетъ въ послѣднемъ отношеніи, можно предсказать, что это будетъ наивнѣйшій нѣмецъ. Дабы изобразить сіи задатки, необходимо напередъ изобразить, какъ онъ селится на лѣто по нескимъ болотамъ, что называется «на дачѣ». Хотя у него и не сформулированъ собственно дачный фereinъ, тѣмъ не менѣе онъ чувствуетъ, онъ самъ собою рождается, будучи присущъ петербургско-нѣмецкой натурѣ; одинокъ словомъ, не существуя de jure, онъ существуетъ de facto. Нѣмецъ занятой, нѣмецъ дѣловой выѣзжаетъ на дачу преимуществу въ Новую и Старую деревни, кои давно уже приняли характеръ чисто-нѣмецкой колоніи; нѣмецъ же сибаритствующій, починающій на буколическихъ лаврахъ своего благосостоянія, перебирается не иначе, какъ въ Парголово. Первое Парголово—это, въ нѣкото-

ромъ родѣ, нѣмецкое вальдorado, земля обѣтованная, и тутъ-то — Боже мой, что за раздолье для буколическихъ наклонностей, что за благодатная почва для поющихъ и пляшущихъ ферейновъ! Тутъ-то вотъ и проявляется въ великолѣпнои зародышѣ будущій фруктъ воинствующаго ферейна. Представьте себѣ нѣмецкихъ людей, свѣтло-окихъ юношей, солидныхъ мужей и даже сѣдовласыхъ старцевъ, которые подъ вечеръ, часовъ около шести, собираются всѣ вкупѣ на какой-нибудь близлежащей дугѣ, строятся во фронтъ по рѣпжиру и справа по отдѣленіишъ начинаютъ маршировать самымъ усерднымъ, добросовѣстнымъ и серьезнѣйшимъ образомъ, до того серьезнымъ, какъ можетъ быть серьезенъ только нѣмецъ. И сколько тутъ почтенныхъ отцовъ семейства, сколько солиднѣйшихъ надворныхъ и коллежскихъ совѣтниковъ! Одинъ отецъ семейства прищипляетъ на палку фуляровый носовой платокъ и гордо маршируетъ впереди—это знаменосецъ. Два титулярныхъ совѣтника, одинъ коллежскій ассесоръ, три булочника и два провизора идутъ впереди знаменишка, и поставивъ кулаки въ губамъ, стараются подражать звукамъ валторны и тромбона, а съ ними человекъ восемь дѣлаютъ пресумерительныя эволюціи руками передъ своимъ животомъ и трещатъ языкомъ своимъ: «бромъ! бромъ! тррр-бромъ!» эти играютъ родъ барабанщиковъ. И вотъ, такимъ образомъ происходитъ нѣмецкій парадъ, послѣ котораго парголовскіе воины церемональнымъ маршемъ расходятся въ нѣдра семействъ своихъ, и всѣ при этомъ необыкновенно серьезны, довольны и счастливы.

Обращаюсь преимущественно къ тебѣ, мой многогородный читатель; мнѣ такъ и кажется, что прочтя это мѣсто, ты недовѣрчиво улыбаешься и произносишь: «эва сочиняетъ!» Ей-богу, нѣтъ! клянусь тебѣ, не сочиняю, клянусь тебѣ — правда, во очію видѣнная мною при постороннихъ свидѣтеляхъ!

Карлъ Ивановичъ Шimmelъфенигъ — какъ вообще всякій петербургскій нѣмецъ его категоріи — когда находился въ меньшихъ чинахъ и принужденъ былъ ежедневно пребывать въ мѣстѣ служенія своего, то жилъ лѣтомъ въ Новой деревнѣ; когда же ранги его возвысились, а служебный постъ позволялъ сибаритствовать, онъ сталъ занимать дачу въ Шарголовѣ. Карлъ Ивановичъ—необходимый членъ парголовскаго лидерафеля, хотя голосъ его, въ сущности, напоми-